

Р. С. ЧЕРЕПАНОВА

«АНТИСОВЕТЧИЦА» ЭМИЛИЯ ИЛЬИНА В ТРАДИЦИИ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО РАДИКАЛИЗМА

Статья посвящена личности Эмилии Павловны Ильиной – инженера, эмигрантки, писательницы и публицистки. Вводятся в оборот новые архивные источники. Автор опирается на концепцию габитуса П. Бурдьё, на теорию «большого контракта» между интеллектуалами и советской властью, а также на идею И. Джонатана о противостоянии двух традиций в среде интеллектуалов: одна берет свое начало от Высокого Просвещения, вторая – от его радикальной ветви. В мировоззрении Ильиной прослеживаются характеристики радикального этоса и габитуса.

Ключевые слова: эмиграция, интеллектуалы, радикализм, утопия, национализм

В ноябре 2016 г. в Мюнхене в полной безвестности ушла из жизни 90-летняя женщина, чей отъезд из Советского Союза в 1976 г. бурно приветствовали западные и отечественные правозащитные круги. Когда-то рассказы и очерки этой женщины принимали солидные эмигрантские издания, ее приглашали участвовать в работе «Международной Амнистии» и выступать с речами перед самыми представительными аудиториями¹. Звали эту женщину Эмилия Павловна Ильина. Дочь красногвардейца, инженер, первые 50 лет своей жизни индифферентная к политике, она в одночасье была вынесена в центр протестного движения, а оказавшись за границей, писала о Стране Советов с такой яростью, что да-же представитель «Нового русского слова» мягко напомнил ей, в тот момент уже давно безработной и балансирующей на грани нищеты, о том, что «капитализм, как вы возможно заметили, имеет не меньше недостатков»². Эмигрировав с любимой собакой и двумя дочерьми (одна не успела даже получить диплом, а у второй на руках был младенец), отправляясь в никуда и без денег, Ильина, судя по ее речам, письмам и очеркам, искренне перечеркнула и обесценила все свое советское прошлое. Советский строй она категорически именовала «фашизмом» и призывала Европарламент наказать имперскую советскую Россию» суровыми санкциями и международным трибуналом³.

¹ Сегодня от всего этого шума осталось лишь несколько документов в архиве МХГ. – Документы Московской Хельсинской группы 2006 (особ.: с. 113-118).

² Письмо Мирона Константиновского Эмилии Ильиной от 12 мая 1986 г. Архив Исследовательского центра Восточной Европы при Университете г. Бремена, Германия. Ф. 43 (Эмилия Ильина). Все упоминаемые далее письма и рассказы, за исключением большого автобиографического письма Э.П. Ильиной (БП), цитируются по оригиналам, находящимся в этом же фонде.

³ См. письмо Эмилии Ильиной Дуне-Злате Вассерштурм от 6 июня 1986 г. с просьбой найти адвоката для составления иска к Европарламенту и в международный суд.

Начиная собирать материал об Эмилии Ильиной, я хотела понять, что привело эту женщину к бунту и почему он принял такие исключительные масштабы и формы? Мой интерес к Ильиной возник в 2012 г., когда, работая в Архиве Исследовательского центра по изучению Восточной Европы при Бременском университете, я обнаружила фонд с ее документами. Их Ильина в свое время передала бременскому архивариусу Габриэлю Суперфину. Благодаря любезной помощи Г. Суперфина мне удалось связаться с Эмилией Павловной в телефонном разговоре, после чего мы обменялись с ней несколькими письмами. Я просила ее рассказать об отдельных аспектах ее жизни: детстве, профессиональной биографии, семье, советском быте, национальном вопросе в СССР, и т.п. Она ответила длинным письмом, а также прислала несколько своих рассказов и очерков, вместе с просьбой об их публикации. Низкие художественные достоинства ее сочинений (отмеченные многими редакторами) делали, однако, такую публикацию возможной только в качестве иллюстрации к статье о судьбе их автора. Вместе с тем, мне уже тогда стало очевидно, что я не смогу написать такой текст об Ильиной, который пришелся бы ей по вкусу. Наше общение зашло в тупик. Только теперь, после ее смерти, я чувствую себя в состоянии свободно говорить о ней. Любые личные отношения с объектом научного интереса ставят перед исследователем непростую моральную дилемму. Поэтому я все же прошу прощения перед Ильиной и ее родными и за свое право, несмотря на личное доверие, оказанное мне Эмилией Павловной, не верить ей на слово, и за мою собственную неизбежную субъективность.

Материалами для анализа мне послужили документы, собранные в фонде № 43 Бременского Архива (переписка, черновики рассказов и повестей), большое письмо Ильиной (далее – БП) от 12 сентября 2012 г., адресованное лично мне, с авторским разрешением использовать этот материал в научном исследовании, а также ряд ее рассказов и очерков (некоторые из них публиковались в эмигрантской прессе, в частности, в «Русской мысли» и «Новом русском слове»).

От автобиографических сочинений эмигранта можно ожидать жанровой принадлежности к Роману (повествованию о пути героя к самому себе, в определении Х. Уайта) или Трагедии (в центре которой – вечная борьба светлых начал с темными). В первом случае мы обнаружили бы преобладание негативных нот в описании жизненного периода, проведенного на родине, и преобладание позитивных красок во второй части рассказа; Трагедии соответствовало бы более или менее равномерное распределение негатива и позитива в обеих частях. Однако у Ильиной, что бы она не описывала, светлых красок не было вообще. Алчные, тупые, подлые существа и эпопея несчастий преследуют героя (чаще – героиню) и в ее художественной прозе, и в мемуарах, и в письмах, в каких бы временах и уголках мира не разворачивалось действие.

Отвечая на вопросы читателей об этой странности, Ильина оправдывалась: наша жизнь такова, что помнишь преимущественно «удары», и даже «только их и помнишь» (очерк «Эмигрантские хроники»). Но именно так, по Х. Уайту, выглядит жанр Сатиры, которая разочарованно «рисует серым по серому». Описание уродств мира Ильина, возможно, считала собственным вариантом критического реализма, а задачу литературы видела в возвращении нравственности в падший мир. Этот императивный морализм искусства⁴, выступающий маркером догматического, утопического, манихейского сознания, вкупе с беспощадной агрессией Ильиной в адрес всех, кто с ней не согласен⁵, очень напоминает историософские сочинения К.С. Аксакова или Н.В. Гоголя⁶, а также тяжеловесные морализаторские романы Всеволода Кочетова. Утописты «справа», в общем, мало чем отличаются от утопистов «слева» в своем желании «выпрямить» мир и сделать его идеальным в соответствии со своими представлениями. Произведения Ильиной выглядят «антисоветскими», но на самом деле они антагонистичны любому реальному – неидеальному – социальному порядку. Диссиденты и западные либералы приняли экзистенциальный протест Ильиной за политический, и сама она, пожалуй, воспринимала свое неприятие реального мира, отказывающегося воплощать ее утопические иллюзии, как неприятие именно социалистического мира. Неприкаянность ее эмигрантской жизни и мрачность прозы позволяют посмотреть на ее позицию под иным углом.

В то же время, будучи уверена в том, что она ненавидит советский строй, тяжело, в безработице и одиночестве, переживающая эмиграцию Ильина не могла открыто критиковать строй западный, буржуазный. Поэтому ее сарказм обращается с критики политического устройства на критику личных качеств людей: в несовершенствах советского строя виновато государство, в несовершенствах буржуазного строя – конкретные люди⁷. Если советское государство представало у Ильиной жестоким и тупым (рассказы «Белобандиты», «Ажина», «Черная сотня» и др.),

⁴ Ильина постоянно клеймит безнравственность современной литературы. В ее понимании, искусство должно обличать зло и быть тотально и безусловно моральным, поэтому, пишет она: «...я вижу, что мои рассказы все же ближе к литературе, чем поделки советских модернистов, которых главные герои только бутылка, секс и мат» // Письмо приятельнице Асе Львовне от 25 июня 1986 г.

⁵ «Все-таки правы наши русские женщины, которые таким, как Вы, феминисткам, вырывают волосы и выжигают глаза» // Черновик письма Юлии Вознесенской от 22 августа 1981 г.

⁶ Подробнее см. Черепанова 2007.

⁷ В этой логике она оправдывает даже ненавидимый ею «секс», открыто присутствующий в западной культуре: «...ночью...я включала телевизор и лазила по всем девятиности шести каналам <...> а там в перерывах фильма или концерта реклама, голые женщины, эротика, порно. Они тоже имеют право и даже обязаны себя рекламировать, иначе не будет спроса, как на любой товар» (рассказ «Эмиличка»).

то западное государство она рисует в целом правильным и хорошим, но сильно подпорченным несовершенствами людского контингента: баронессами-эксплуататоршами, наркоманами, и, конечно, коллегами, которые бесовски воруют чужие идеи, распускают гнусные сплетни про честных людей и пишут на них доносы⁸.

Но пока эмигранты-злопыхатели отторгали Ильину, настоящие европейцы, по ее мнению, к ней тянулись, потому что, известно: в обмен на материальные блага, русский человек может научить западного высокой нравственности и отучить от «голых женщин, эротики и порно». В очерке «Эмигрантские хроники» Ильина описала свой случайный опыт преподавания на русских курсах в Италии, когда «простой народ» (поварихи) и неиспорченные душой студенты обожали ее, пели с ней «Катюшу и «Подмосковные вечера», а коллеги-эмигранты, уже впитавшие пороки Запада, ее травили. В рассказе «Эмиличка» юная героиня, эмигрантка из СССР, своей красотой, высокой моральной требовательностью и русской культурой спасла немецкого парня от наркомании: научила его любимым песням своего деда-красноармейца (sic!) и твердо запретила ему употреблять наркотики: «Он покраснел, стал пунцовый, сразу побледнел. И знаете, что он мне сказал: я никогда больше, пока живу, не приму никакого наркотика»; потрясенный этим преобразованием немецкий «папа-профессор» (воплощение преуспевающего Запада), признал, что девочка-эмигрантка вернула ему сына. Так своеобразно Ильина преломляет старую русскую интеллигентскую идею о том, как русская духовность спасет правильный и хороший, но несколько утративший истинные ценности Запад. Каким же видит Ильина социальный идеал, к которому западный мир оказывается ближе, чем советский?

Удивительным образом оказывается, что антисоветчица Ильина глубоко усвоила от социализма идею социальной справедливости и понимает ее с радикализмом левеллеров. Советский строй был недостаточно справедлив, потому что люди в нем жили бедно, западный строй хорош потому, что люди тут живут богаче. Богатые и государство должны делиться с бедными. На Западе это делается в большем объеме, значит, западный строй лучше. Если советское государство не разрешает своим гражданам уехать туда, где лучше (богаче), значит, оно деспотическое. Запад представляется Ильиной почти воплощенным идеалом коммунизма как халявы: «всем дают пособие, дают одежду, проездные. Мама и тетя учат язык. И все бесплатно» (рассказ «Эмиличка»). Одна из героинь рассказа, вдова героя Отечественной войны Сонечка в эмигра-

⁸ Письмо приятелям Надежде Федоровне и Самуилу Моисеевичу от 12 июня 1987 г.: «Я перестала общаться с русской эмигрантской средой в Мюнхене, как-то попадались все больше люди озлобленные, завистливые, духовно недалекие», «при постоянной безработице и нужде я трижды находила работу и трижды теряла, не поверите – соотечественники писали на меня доносы».

ции получила за всю свою расстрелянную в годы войны еврейскую семью «пять тысяч марок с немцев контрибуции» и осталась вполне довольна сделкой: «Здесь... эмигранты после советской нищеты благоденствуют». Обеспеченная жизнь выступает главным атрибутом цивилизации. Такие простые жизненные установки позволяют понять, почему Украина, в которую Ильина вначале попала по распределению, а потом сознательно стремилась там остаться, в советское время жившая чуть более сытно, чем многие регионы РСФСР (в частности, Урал, откуда родом Эмилия Павловна), кажется ей более близкой к «Западу». В рассказе «Ажина» русская бедность противопоставляется немецкой сытости, доброте и аккуратности. При этом украинцы хоть и по-русски бедные, но хозяйственные, тянутся к немецкой «передовитости», а немецкий сад выступает для них манящим, как райский сад: «И на всем лежащая печать немецкого порядка и довольства, покоя и счастья».

Иные, выходящие за рамки этого сытого комфорта, западные ценности были Ильиной, видимо, не слишком близки. Она готова принять и много раз принимала «подавание» от богатых, как должное, без чувства унижения⁹, но не готова была воспринимать физический труд как достойный, а свободу – как полную ответственность за собственную жизнь.

«Тут к нам, в Вену приехала филантропка из Мюнхена, хозяйка фирмы <...> А оказалось что? Она приехала в Вену за дешевой «Рабилой». Такую рабилу она получала систематически из потока еврейской эмиграции <...> Работал в саду фирмы сын... прославленного, очень уважаемого диссидента генерала Григоренко, работал дворником... и чистил бассейн. Это казалось нам, работягам, унижением, как для молодого человека, так и для его отца <...> Я со своей семьей работали год в этой фирме, и почти бесплатно, а остались еще должны» («Записки филантропа»). При этом, уходя, Ильина осталась крайне возмущена мешанством «мадам баронессь», поставившей в счет за проживание такие мелочи, которые богатый человек вполне может (а значит, должен) простить бедному: разбитый сервиз, испорченное постельное белье, потерянные ключи и развороченный пол.

Если бы не отдельные люди, не имеющие совести, на Западе все было бы прекрасно, так как порядки придуманы идеально: «Как здесь просто работать, как просты взаимоотношения. Если ты не сачкуешь и знаешь дело, ты ценный работник, никаких дармоедов», «не знаю, как выражается здесь эксплуатация» (письмо друзьям Тане и Диме от 8 января 1982 г.). Возможно, после того, как пожилой и болезненной Ильиной установили в одном месте рабочий день в 8,5 час. (плюс 3 часа на дорогу), а в другом месте – в 12 час., она начала догадываться о том, как выглядит капиталистическая эксплуатация, во всяком случае, ни на одном месте работы Ильина не задержалась больше месяца, в итоге смирившись с положением безработной. Когда ей откажут в немецком гражданстве, она с удивлением заметит, что в Германии тоже есть бюрократия и безразличие чиновников. Но никогда никакой критики в адрес за-

⁹ См., напр, очерк Ильиной «Записки филантропа».

падной системы от нее не последует. Все ее разочарование и негатив будут обращаться на людей, реальных или условных. И если она постоянно теряет работу, то вследствие козней завистников и конкурентов: «видишь воочую, что и здесь как в СССР, многие бьются лбом о стенку, а кто умеет устраиваться – процветает» (письмо некоему Ивану Антоновичу от 6 апреля 1984 г.); «Сказать, как я живу трудно. Нищета отчаянная. Все “большие надежды” разбиты в прах. 12 лет безработицы, а рядом работающие купаются сыр в масле. Бездарности издают, редактируют газеты и журналы... Я со своей грамотностью и “талантами” сижу на социальной помощи. Это бы еще ничего. А сколько подлости <...> Духовные запросы не удовлетворены, одиночество, оборванные корни – это страшно» (Письмо в Ленинград Дмитрию Аксельроду, конец 1988 – начало 1989 г.); «Здесь мне все время плохо, хуже, чем в СССР, не материально, конечно, нет. Полное одиночество, изоляция, как для прокаженной...» (Письмо Юлии Вознесенской от 22 августа 1981 г.).

Разумеется, задним числом Ильина уверяет нас, что в определенные моменты – детство, материнство, моменты востребованности на свободном Западе – она была или есть счастлива, но ни разу в описании этих «счастливых» периодов она не меняет ни ритм, ни стиль, ни модальность, ни эмоциональный тон повествования, неизменно сохраняя сдержанно-скептическую, разочарованно-серую манеру. Насколько Ильина не представляет себе, что такое тональность счастья и любви, ясно по финалу ее рассказа «Цветок Циона», где главная героиня из бедной еврейской семьи, красавица и умница, после долгих перипетий судьбы выходит замуж за красноармейца Яшу (проекцию отца Ильиной):

Счастливые годы прошли быстро. Яша меня никогда не огорчал <...> У него была одна страсть – книги. <...> Мой Яша инвалид войны, весь изранен, прострелено легкое, раненая нога короче здоровой, работать не мог, пенсия маленькая, золото и драгоценности теток я боялась продавать – узнают, ограбят, еще и убьют. Двое детей, а он с утра по книжным магазинам, ищет, где что «выкинули»... <...> Все стены нашей крошки-квартиры были защищены книжными полками. Газеты и журналы годами хранились, все это собирало пыль и создавало дополнительную тесноту. А моя мамочка меня приучила каждый день вытирать пыль. <...> Долго не было детей. <...> Усыновили. Больной, золотушный ребенок, всю ночь пищит, невозможно спать. Яша всю ночь носит на руках. <...> Когда Лёне, приемному сыну, исполнилось пять лет, я родила нашу Нюсеньку. С Лёней было много чего, с ним мне досталось выпить и закусить. Злобный, непослушный ребенок. Наказывать я его не могла, боялась Яши. Учиться не хотел, ленивый. <...> Наша Нюсенька росла ласковая, хорошенькая, херувимчик. А этот капризный, требовательный, нелюдимый. Муж с ним возился, его только и слушался. <...> Купили пианино, четыре года возил к учительнице, не хотел учиться, так и бросили, инструмент продали. <...> Промелькнули счастливые пятьдесят лет, как одно мгновение. И некому было сказать: “Остановись!”

Даже это развернутое описание «хэппи-энда» пропитано такими «ложками дегтя», которые выдают глубокие обиды и разочарования рассказчика, плохо совместимые с декларируемым счастьем. Муж не за-

рабатывает достаточно и не помогает по дому; слишком маленькая квартира; непослушный мальчик (видимо, списанный с внука Ильиной – в бременском архиве сохранилось много ее писем к дочерям, в которых она жалуется на его капризы и избалованность), фортепианной игре учились и бросили ее, не оправдав материнских надежд, дочери Ильиной. И вот она хочет описать в рассказе картину счастливой жизни – и не может этого сделать, обиды перебивают и захлестывают ее.

Откуда же выросла в ней эта обостренная обидчивость? Да, она, родившаяся в 1926 г., росла в бедной семье, она тяжело (правда, недолго) работала в годы войны, она поздно получила высшее образование и не по тому профилю, о котором мечтала, она сталкивалась с проявлениями социальной несправедливости – но кто из советских людей довоенного поколения жил иначе? Зато у инженера Ильиной достаточно быстро и удачно, по советским меркам, решился «квартирный вопрос», родились две замечательные дочери, она четыре раза съездила в турпоездки за границу, что было, между прочим, совсем не дешево; в БП она несколько раз мимолетно, не комментируя, упоминает случаи чудесной и бескорыстной помощи, которую ей приходилось получать от разных людей (случайных попутчиков, директора военного завода, первого секретаря горкома партии). Но, случайно проговариваясь об этих эпизодах, сама Ильина их словно «не видит» или подает как слишком малое благо по сравнению с тем, чего она заслуживает. Отсюда рождается зависть и озлобленность к тем, кто, по ее мнению, достоин меньшего, а получил от жизни больше. От природы незлой человек, она там, где, по ее мнению, нарушена справедливость, становится беспощадной. Одного признания, что она не может слушать музыку Прокофьева («Я даже музыку его презираю, брезгую слушать» – БП), узнав, что тот оставил жену и детей, достаточно для того, чтобы почувствовать, как яростно она умела ненавидеть того, кто ее обидел. В данном случае, Прокофьеву досталась только малая часть той ненависти, которую Ильина испытывала к собственному мужу после развода. В письме ко мне (БП) она возложила на мужа вину за распад семьи («Дальше наш папа создал себе другую семью»); однако в черновике письма к бывшему мужу (в 1980-е гг.) встречается ее признание о том, что инициатором разрыва была именно она: «даже в то время, когда ты нас наказал, оставив без помощи за мой “необдуманый поступок” – уход от тебя». Причем Ильина тут же упоминает, что алименты муж платил исправно, т.е. без помощи все-таки не оставил, просто снизил ее объем до формального минимума¹⁰.

Из-за чего распался брак, сложно сказать. В рассказе «Зойша» героиня исключительно из гордыни, расстаётся с любимым, измучив его, сломав ему жизнь, после чего выходит замуж за вечно пьяное ничтоже-

¹⁰ Черновик письма Э.П. Ильиной к мужу без даты.

ство. Духовность как страдание, а любовь как «соревнование, кто кому больше сделает боли» – такое понимание Ильина также могла вынести из великой русской литературы. Не очень умея любить конкретного человека (гораздо лучше у нее получалось любить далеких голодающих детей в детских домах, незнакомых людей, оставшихся в Союзе, которыми она отправляла посылки с гуманитарной помощью, с реальными же людьми она постоянно ссорилась и реальных детей описывала довольно язвительно), Ильина очень страдала от дефицита любви вокруг себя: «Мне нужна, жизненно необходима любовь», «Такие вот претензии к человечеству – все должно меня любить» («Эмигрантские хроники»).

Искание идеала, максимализм и догматизм, черно-белое видение мира, с полным сознанием этого своего манихейства (Ильина с гордостью пишет, что унаследовала его от своих предков-старообрядцев¹¹), глубокая внутренняя несчастливость и неумение быть счастливым, любовь к дальнему и холодность к ближнему, гордыня и неготовность признавать свои ошибки, воинственная асексуальность (сразу несколько героинь ее рассказов заявляют, что не созданы для семьи и брака, не любят детей и не желают их иметь) – все эти характеристики связывают Ильину как с архетипическим образом Девы-воительницы, так и с этим радикальной русской интеллигенции. Используя известное самоопределение другого, современного, русского интеллигента, Ильина никогда не прогибалась под изменчивый мир: «Умру, но не сдамся, пусть будет по-моему» (Рассказ «Зойша» в рукописном сборнике «Мясоед»).

Деля мир на черное и белое, доверяясь людям на слово, без «бюрократических формальностей», идеалистка Ильина несколько раз становилась жертвой мошенников, а посылаемые ею вещи и продукты нередко разворачивались (причем как в Союзе, так и на месте, в Германии). Все эти некрасивые истории отбрасывали тень и на ее имя. Но, много раз обманутая и горько уязвленная, она так и не изменила своего отношения к миру и не отказалась от своей системы ценностей.

Не удивительно, что, вырвавшись на многоцветно-толерантный Запад, Эмилия Павловна плохо там прижилась. Правда, первоначально это казалось ей даже хорошим знаком («Отрезана от света, ни писем, ни газет, никто ко мне не приходит, не звонит, связь односторонняя. Но не скучаю, работаю, давно жаждала такой жизни»). То, что дала ей «богатая» за граница и не могла дать «нищая» родина – это возможность, живя на скромное пособие, сосредоточиться на литературном труде. В советской действительности Ильину угнетали не только материальные проблемы, тяжелый труд, низкие зарплаты, лицемерие бюрократии, социальная несправедливость в виде недостаточной государственной заботы

¹¹ «Я русская, даже больше – староверка...» (Письмо Ильиной в Библиотеку Конгресса США от 23 мая 1989 г.).

и сохранения фактического неравенства¹², но и невозможность печататься. Печатное же слово было для нее не только выражением ее амбиций сказать миру слово правды, но и путем из нищеты наверх, из рядовой интеллигенции в интеллектуальную элиту. Начав писать, когда ей было уже далеко за сорок, Ильина полагала, что в СССР ее произведения никогда не будут напечатаны исключительно по соображениям цензуры, в то время как сама она своей писательский дар ценила высоко¹³ и ставила себя почти в один ряд с Буниным и Солженицыным¹⁴, чью известность эмиграция только преумножила. Не исключено, что Эмилия Павловна окончательно переезжать на Запад и не хотела, а собиралась, так сказать, съездить туда за славой. В БП она проговаривается, что отстаивала право «уехать и вернуться». Надежду на этот вариант могли ей подать участвовавшие в это время заграничные вояжи советской элиты.

Разумеется, говоря о причинах отъезда из СССР, Ильина акцентировала не свои литературные амбиции, а ужасы советского строя и тяжелую болезнь дочери. Эту историю в БП Ильина рассказывает так: обе ее дочери поступили учиться в ленинградские вузы, поэтому благоустроенную двухкомнатную квартиру в Чернигове, она обменяла на комнату в ленинградской коммуналке (довольно большую), чтобы быть ближе к дочерям, и тут старшая дочь заболела туберкулезом. Соседи по коммуналке стали требовать отселения больной девушки. Ильина отпраивалась в горком просить для своей семьи отдельную квартиру, получила отказ и решила уехать из столь бесчеловечной страны туда, где у людей есть достойные условия для существования. В рукописи «Как я уехала из СССР» представлена еще более благородная версия событий:

Решение покинуть родину у меня возникло давно, как только исчезли иллюзии по отношению справедливости советского строя <...> 2 июля 1976 года я послала письмо Генеральному Секретарю ООН, в котором изложила мотивы, вынуждающие меня добиваться визы на отъезд из СССР (низкий жизненный уровень, нищенское существование на зарплату инженера, невыносимые условия жизни

¹² «В СССР никогда не было никакой социальной помощи» («Записки филантропа»).

¹³ «Я начала с того, что все свои книги кустарно изданные, посылала в Библиотеку Конгресса США – для потомства, м.б. когда-нибудь через 200 лет найдут и оценят», «Я тут случайно ознакомилась с таким гениальным современным писателем – Вл. Войновичем, и попросила его прочитать несколько моих рассказов, и знаете, что он мне ответил? Это НИЖЕ СРЕДНЕГО. Я не обиделась, а долго смеялась, смеюсь и сейчас» (Письмо приятельнице Асе Львовне от 25 июня 1986 г.).

¹⁴ «Эмигрантский «Новый журнал» напечатал всего половину одного моего рассказа, но редактор в юбилейной статье по случаю 40-летия журнала упомянул мое имя рядом с великим именем И.А. Бунина» (Письмо Э.П. Ильиной в ИРЛИ от 5 ноября 1989 г.); Ильина сетует: «...ведь даже Солженицыну, гениальному Солженицыну редактировали его произведения. С его редактором Ефимом Гр. Эткиндром я знакома, и мне он отредактировал... 1 страницу в моей «Баррикаде»». Ильина уверена: если бы Эткиндр редактировал все сочинения Ильиной, то и ее печатали бы, как Солженицына (Письмо без даты подруге Тане).

в коммунальной квартире <...>. Разумеется, я не имела права указать истинную и главную причину моего отъезда – несогласие с внутренней и внешней политикой государства <...> Копию письма Генеральному секретарю ООН я послала Брежневу. Через несколько дней меня, беспартийную, вызывают в Ленинградский горком КПСС, где оскорбляли, называя предателем, изменником родины, предлагали различные советские «блага», как-то: лечение в больнице, путевку на курорт, когда же я от всего этого отказалась, мне пригрозили принудительным лечением в психбольнице <...> 7 ноября я начала голодовку протеста. 16 ноября я послала телеграмму Подгорному и Юрию Федоровичу Орлову, возглавлявшему тогда Инициативную группу защиты прав человека и проверки выполнения решений Хельсинкского совещания. В тот же день меня вызвали в ОВИР и сказали, что я могу ехать, куда хочу. Я выбрала Канаду.

Поскольку для оформления выездной визы нужно было получить вызов из-за рубежа, Ильиной даже «организовали» подложный вызов от некоего израильского литературного объединения (с просьбой предоставить выездную визу «знаменитой русской писательнице Э.П. Ильиной»), чтобы иметь формальные основания ее выпустить. Это вызвало у нее волну возмущения нечестностью и грязными методами работы КГБ:

Я сразу же заявила, что это ложь, и я не писательница, никогда нигде не печаталась. Несколько моих рассказов было конфисковано работниками КГБ на квартире у ленинградской поэтессы Юлии Вознесенской, которая одновременно со мной была вызвана в ОВИР и ей тоже было предъявлено подложное приглашение израильского литературного объединения и предложено немедленно уехать из СССР. Юлия Вознесенская от такого предложения отказалась, на другой день она была арестована, через неделю ее судили и приговорили к 5 годам ссылки, вся ее вина в том, что она писала стихи «не советской тематики». Я же вынуждена была согласиться. <...> Оформление шло ускоренными темпами, в ОВИРЕ к моим документам совершенно не придирались. <...> На втором этапе оформления нужно платить по 270 рублей госпошлины за визу и по 500 рублей за отказ от гражданства, всего 770 рублей с человека. Таких денег ни у меня, ни у моих близких никогда не было. С большим трудом мне удалось одолжить 800 рублей, которые я и заплатила за визу. Платить за отказ от гражданства я отказалась... На это заявление мне сообщили, что меня от этой платы освобождают»¹⁵.

На что же могла рассчитывать 50-летняя женщина, выезжая на Запад без знания языков, без гроша в кармане, зато, по собственному при-

¹⁵ Рассказывая эту драматическую историю, Ильина упускает несколько важных деталей: 1) От туберкулеза умер отец Ильиной. Для девушки с наследственной предрасположенностью к туберкулезу ленинградский климат был заведомо нежелателен. Дочь Ильиной заболела именно в Ленинграде и выздоровела, когда семья уехала из города. Никто не мешал, не покидая СССР, обменять ленинградскую комнату на квартиру в другом, более сухом и теплом регионе. 2) Инициатором переезда в Ленинград была сама Ильина и не потому, что к моменту ее переезда там учились ее дочери. Ленинград привлекал Ильину своим культурным статусом, перебраться туда, даже с заведомым ухудшением жилищных условий, она мечтала много лет¹⁵. И идея уехать обратно в провинцию ради здоровья дочери, видимо, ею не рассматривалась. 3) Когда Ильина подняла такой шум вокруг своего права на выезд, дойдя до Генерального секретаря ООН, ленинградские власти, в обход всех очередей, предложили ей однокомнатную квартиру, но Ильина посчитала, что для семьи из четырех человек (она сама, две дочери и грудной внук) эти условия недостаточны.

знанию, с «сундуком» зашифрованных (на всякий случай, от КГБ) сюжетов? Только на мировую славу. Но можно предположить, что литературная слава также была лишь средством на пути к иной цели. Как она сама объясняла причины своего отъезда в письме к одной из деятельниц литературного зарубежья, связанной с НТС¹⁶: «Единственно, что я хотела выдать – это быть среди Вас своей и равной» (письмо от 10 апреля 1978 г.). Чтобы понять, почему инженеру Ильиной так хотелось стать своей в рядах интеллектуальной элиты, нужно представить ее, начитанную и неглупую, воспитанную на Диккенсе, тянущуюся к музыке и литературе, болезненно ненавидящую вульгарность, хамство и пьянство, в том кругу материальной и духовной нищеты, из которого она вышла, и представление о котором дают письма к ней ее родных.

Первое письмо без даты от двоюродной сестры Дуси: «Здравствуйте дорогая моя сестреночка Миля <...> с горячим приветом к вам Дуся и Коля Дорогая сестреночка я получила посылку детску мой внучки были очень довольные <...> У нас дом нехто не спрашивает а жить тут одной с Колькой очень скучно приходиться он позно с работы я одно сижу и очень скучно когда была тетя Ира и мама мы все играли в карты до 2 часов ночи и было весело. Последнее время тетя Ира все ждала что с вами встретится <...> Витя работает то получки а получают и опять пот». Упомянутый «Витя» – младший, слабослышавший брат Ильиной, а «тетя Ира» – ее престарелая мать. Уезжая из страны, Эмилия Павловна обещала забрать мать к себе, как только устроится, но, едва перебиваясь на пособие и долго не имея крыши над головой (несколько первых месяцев эмиграции Ильиной приходилось ночевать у едва знакомых людей или просто на вокзалах), вызвать к себе больную мать и взять ее на свое содержание она так и не смогла.

Второе письмо без даты от Дуси: «Здравствуйте дорогая и милая сестреночка Миля и племянницы <...> получила я ваше письмо и перевод и две посылки в одной посылке было двой голготки 3 детские кофточки и головной платок желтый за это я заплатила 25 руб а вторая посылка была на тетю Иру но мне отдали два платка головные жепер и кофточка и мужской свитер за ето я заплатила 135 р. Витя работал в колхозе я ездила в город ходила я в церку одала молится и отпели тетю Иру и я со всем рассчиталася провела я сороковой день был у нас дядя Зоня и Валя и Вася ее муж Миля а где живет Таня Красникова мы ее незнаем. <...> Дорогая сестреночка спасибо тебе веть ты мне помогла расчитася с долгами».

Третье письмо без даты, от брата Виталия: «Здравствуйте сестра Эмилия и твои дети Лена и Юля с горячим приветом к вам Витя и Зина. Миля я еще в мае послал письмо твоей знакомой в Ленинград чтобы она переслала тебе, но почемуто ответа нет. Ты обещалас маму забрать сибе, мама все ждала но сама поехать она не могла совсем плохо видела. <...> Мама часто плакала все тебя ругала вот говорит выкормила дочь выучила и она меня не хочет. <...> Мама очень переживала волновалась поетому очень часто курила у меня жила дак просила Витя дай закурить я ей говорил бери в чемодане пачку и кури и она часто брала. А у Дуси так Дуся покупала один раз мама была одна у Дуси и закурила дак пришел Колька увидел что мама курит как ударит маму по лицу что мама чуть не упала, мама пожаловалась Дусе так Дуся только посмеялась вместе с Тоней <...> Я живу не

¹⁶ Возможно, к Ширинкиной: Ариадна Евгеньевна Ширинкина (1917–1990) – активный участник НТС, редактор журнала «Встречи».

бедно не богато сошелся с Зиной есть свой маленький домик есть огород есть коза. Ну живем по маленьку. Я болею ногой я ее обморозил и поломал сейчас часто хожу на больничном. Так что богато не на что. А Дуся бессовестная получает от тебя деньги хоть бы поделилась со мною. Да ладно пусть хапает когда небусть подавится. Ее мать хапала хапала всетаки подавилась и эта тоже подавится.

Четвертое письмо без даты, снова от Дуси: «Дорогая милая сестреночка вы Вите посылали денег и посылку они эти деньги пропили и даже на работу не ходили».

Вот от такого люмпенизированного «дна» убегала Ильина. Именно такие картинки связывались для нее с «советской системой».

«Потомственным» интеллигентам она завидовала и страстно хотела войти в их среду, и никогда не принималась этой средой на равных, чувствовала это отторжение и ненавидела их со всей страстью, на которую была способна¹⁷. Эта гамма чувств напоминала мне мироощущение русских западников-разночинцев, глубоко переживавших свое маргинальное положение по сравнению с не знавшими статусных унижений дворянскими славянофильствующими интеллектуалами¹⁸.

Категорическое размежевание с исходной средой выступало для разночинцев необходимым условием победы в борьбе за право на равных войти в круг духовной элиты. Аналогично, литературные сочинения Ильиной при беспристрастном прочтении оказываются не столько антисоветскими, сколько антилюмпенскими, клеймящими пошлость, хамство, порок и мещанство. Не случайно в одном из писем к друзьям она сравнивает себя с Зошенко. Но те явления, которые в довоенном СССР еще можно было объяснить «буржуазными пережитками», Ильина относила и к брежневскому развитому социализму, причем подавала их как имманентное свойство большевизма. Именно в этом и заключалась для советской власти «крамольность» ее сочинений.

Первое время рассказы Ильиной на Западе, действительно, активно печатали. Но отнюдь не за литературные достоинства, как полагала сама писательница, а скорее из филантропии и политических соображений – выехав на Запад едва ли не в нарушение законов СССР, Ильина практически победила советское государство: «такой я выскочила из СССР героиней» (БП). А затем ее перестали печатать. В письме некоему Кириллу Александровичу приблизительно от 1982 г. Ильина жалуется:

¹⁷ Рассказ «В интеллигентной семье» (сборник «Мясоед») начинается с соотнесения автора (Ильиной) с аристократкой по духу и по крови Татьяной Толстой. «А я, хоть и, допустим, не интеллигентная, откуда взяться интеллигентности – мать крестьянка, отец рабочий», но не стала бы употреблять те словечки, которые употребляет Толстая. Много раз в рассказах Ильиной подчеркивается правильный русский язык положительных героев, даже вышедших из низов; и в реальной жизни, еще работая инженером, Ильина начинала в своем коллективе борьбу за «чистоту русского языка». Правильный литературный язык выступал для нее понятным и демократичным пропуском для продвижения вверх по социальной лестнице.

¹⁸ См. Черепанова 2007.

«Там (в СССР) нам говорили: “не та тематика”. Здесь тоже никуда не достучишься», «Недавно был у меня один русский господин моих лет, не работает, получает пособие или помощь от Союза журналистов ФРГ и от Литературного фонда, но литературой не занимается, печатается кое-когда в Посеве. Я на шестом десятке зарабатывала (до последнего времени) на жизнь мытьем полов, где уж занимается литературным трудом, но занималась...», и это при том, что Ильина считает возможным сказать о себе: «Я непризнанный (пока что) русский классик. Классиком меня называют читатели и редактор “Нового Русского Слова”, конечно, называют в шутку. Но разве в каждой шутке нет доли правды?» (Письмо в Лозанну от 22 мая 1986 г.).

Разочаровавшись в западной публике, Ильина пришла к выводу, что только русский читатель способен ее понять, и с начала 1980-х гг. бомбардировала письмами советские журналы, посылала свои сочинения режиссерам (Э. Рязанову), известным общественным деятелям (Ш. Амонашвили), придумывала, только бы быть напечатанной, наивные аферы:

«Дорогая госпожа Николаева! Я прочитала о Вас в журнале “Огонек”. С самого начала перестройки я пыталась найти именно такое Благотворительное Общество Помощи Детским Домам в СССР. Я писала многим советским писателям и общественным деятелям, последнему писала Б.Н. Ельцину и говорила с ним об этом в Мюнхене, когда он приезжал сюда и была его пресс-конференция. Я автор семи книг рассказов и трех книг переводов с украинского отличных текстов украинских писателей и публицистов. Я отдаю все гонорары от моих рассказов на содержание детских домов в СССР. Конечно, книги сначала должны быть напечатаны <...> Я предлагала (например, “Огоньку” и Ельцину) такой план: напечатать в “Огоньке” несколько моих рассказов. Затем объявить о подписке на собрание сочинений и указать, что все средства пойдут на содержание детских домов». Из сердобольности хотя бы, выражала надежду Ильина, подписчиков будет много. «Еще стоит сказать, что я лично для себя тут ничего не выгадываю <...> и я пожилой человек, так что слава меня не прельщает, я до нее не доживу. А средства от изданий я все ЗАВЕЩАЛА детским домам в СССР <...> Ради всего святого, ответьте мне. Мое предложение вполне осуществимо. Мы получим средства и начнем реформу преобразования детских домов в СССР» (Письмо профессору Стокгольмского университета Николаевой от 6 сентября 1990 г.).

Ни один журнал или фонд не дал Ильиной положительного ответа. Потерявшаяся между мирами (в одном из писем она называет себя ауслендером – человеком без земли – как тут не вспомнить Георгия Федотова с его размышлениями о беспочвенности русской интеллигенции), Ильина, как многие до и после нее, трансформировала свою маргинальность в утопический радикализм, враждебный всему несовершенному реальному миру. Это обстоятельство дает основания посмотреть на феномен Ильиной как на частный случай тянущегося с XIX в., конфликта между двумя разными типами интеллигенции. В ходе этого противостояния интеллигенция, не способная обеспечить себе интеллектуальным трудом достаточный/желаемый уровень жизни, в отсутствие комфортабельной социальной ниши неизбежно маргинальная, усвоившая дух радикального просвещения, сталкивается с профессионально востребованными (в т.ч. государством), успешными и признанными интеллектуала-

ми экспертного уровня. Маргиналы желают занять место экспертов или, по крайней мере, войти в их среду на равных. Вначале они используют стратегию мимикрии, подражая экспертам, но если это не приносит успеха, переходят к стратегии бунта против экспертов, их ценностей и всей государственной системы, в которую те инкорпорированы. При этом сложные процессы социально-профессиональной конкуренции с трудом поддаются рефлексии и чаще всего вполне искренно конструируются их участниками с помощью политических мотивов и лозунгов.

Маргинальных интеллигентов можно представлять либералами или социалистами, а интеллектуалов экспертного уровня – противостоящими им консерваторами или либералами; на самом деле убежденными идеологами в обоих лагерях всегда выступают единицы, тогда как для абсолютного большинства политическая идея предстает прикрытием борьбы за корпоративные интересы. Не случайно так сложно бывает найти «чистых» либералов в либеральном кругу, чистых «консерваторов» – в консервативном, «чистых» славянофилов в славянофильском, чистых «западников» – в западническом¹⁹. При этом оппозиционность интеллектуальной элиты, действительно, усиливается по мере того, как ее перестают устраивать условия «контракта» с властью.

Легализация внутрикорпоративной интеллигентской борьбы при помощи политических лозунгов не только служит цели «возвышения» и «облагораживания» конфликта, но и позволяет привлечь на свою сторону широкие массы в качестве социального тарана, в свете чего не выглядит невероятным предположение о том, что в большинстве общественных потрясений последних трех столетий противостояние между двумя отрядами интеллигенции играло одну из важнейших ролей²⁰.

В советском обществе конфликт между двумя типами интеллигенции остро обозначился, по наблюдению А. Кустарева, именно в период вызревания «антисоветского бунта» Ильиной, в 1960–1970-е гг.²¹ Различия между «низовым» и «элитарным» отрядами советской интеллигенции заключались в разном доступе к культурным и социальным благам (помимо системы «окладов», «гонораров», «снабжения», дополнительным благом выступала возможность легко бывать, а лучше проживать, в культурных столицах), в разном графике и характере труда (с преобладанием творческой или шаблонной деятельности), в разном градусе свободы (к бравирующему фрондерству «элиты», если только оно не принимало опасные формы, советское государство относилось снисходительно), в различном корпоративном этосе и понимании статуса «интеллигента». Обе группы были недовольны условиями, в которых находи-

¹⁹ См. об этом, напр. Нарский 2012; Черепанова 2007.

²⁰ См. Jonathan 2006. P. 525.

²¹ Кустарёв 2006. С. 93-94.

лись. Элита стремилась к расширению свободы и творческих возможностей, предметом вождения простых учителей, инженеров и врачей выступал недостаток, но понимаемый не по-мещански прямолинейно, а в том числе как воплощение духовных ценностей (высшей справедливости, например) и возможности иметь досуг для духовных занятий.

Эмилия Ильина полностью разделяла чаяния массовой интеллигенции низшего звена, «разночинной» по происхождению и двусмысленной по социальному положению. Как многие люди этого круга, она мечтала вести образ жизни высокооплачиваемых интеллектуалов: жить в прекрасном, престижном и обеспеченном городе, ходить в театры и музеи, периодически выезжать за границу. Она начала заниматься писательством и перебралась в Ленинград. Ощущая в себе недостаток литературного дара, она могла привлечь интерес к своей прозе только ошарашивая читателя смелостью в касании запретных тем. Затем в определенный момент государство, вооруженное жилищными нормативами, встало у Эмилии Павловны на пути к ее мечте. Тогда она нашла замечательный выход: с опорой на советскую конституцию заявила о праве каждого человека на достойную жизнь, выбор места жительства и свободу передвижения.

Этот шаг вынес «инженера Ильину» и ее жизненную ситуацию на щит диссидентского и правозащитного движения. Она стала зримым воплощением их высоких целей (борьба за права «простых людей»). Ей помогли эмигрировать, ее сочинения пошли «нарасхват». Вожденные элитарные круги наконец открыли перед ней свои двери. Но всего через несколько лет захлопнули их самым категорическим образом. Причиной такого отторжения стал не только недостаток у Эмилии Ильиной литературного таланта, но и ее максимализм, неумение держать дистанцию в общении и признавать заслуги конкурентов, тотальное стремление поучать и оценивать, тогда как признанными характеристиками этоса экспертов всегда считалось уважение к оппоненту, представление о многовариантности истины, об условности искусства, а также терпимость к иному (в самом широком смысле). Ильина же до конца жизни разделяла ценности тех слоев, от которых бежала.

Менталитет ее оставался совершенно большевистским, если понимать большевизм как квинтэссенцию радикальных традиций в интеллектуальной среде. Радикалы когда-то создали советский проект, и они же его заклеямили, демонизировали, в конечном итоге демонтировали. А поскольку Советский Союз довольно рано превратился в империю, технологии его разрушения во многом воспроизводили технологии дезорганизации царской России. В частности, большая ставка делалась на национальные движения «угнетенных народов». Ильина щедро отдала дань этой идее, став страстным глашатаем украинского национализма.

Как дореволюционная радикальная русская интеллигенция поддерживала национальные движения в Польше или на Кавказе, так и советская радикальная интеллигенция готова была поддержать все, что помогло бы ей сломить чудовище обло, озорно, огромно, стозевно и лай – Левиафана советской государственности. Сама Ильина уверяла, что ненавидит только советскую систему, а Россию и русскую культуру глубоко любит и почитает. Однако все ее историко-политические памфлеты, письма и литературные сочинения показывают, что она не проводила никакой разницы между Россией и СССР – для нее это была единая машина насилия и угнетения. Она «не замечала» перемен в советском строе от Сталина к Брежневу, ни бытовых, ни материальных, ни духовных (БП). Активно посещающая Украину и Россию в начале 1990-х гг., она ни разу ни за что не похвалила свое бывшее отечество: ни за отказ от социализма, ни за демократизацию: этих перемен она тоже не заметила. Россия для нее как будто всегда одинакова: царская, советская, постсоветская – жестокая, нищая, агрессивная, подавляющая.

Это даже не образ России, это миф о России, созданный русской радикальной западнической интеллигенцией, начиная с Радищева, с его «чудищем». «Великой русской культурой» Ильина называет именно радикальную ветвь русской культуры, например, толстовство, с его утопическим бунтом и против православия, и против государственности, и против реальных законов человеческого общежития. Пушкин, критикующий власть, относится к «великой русской культуре», а Пушкин, защищающий власть и осуждающий поляков за восстание, к этой культуре уже не относится. Гоголь относился к «великой русской культуре», пока не начал проповедовать имперскую теократию. Такую селекцию «русской культуры» проводили и большевики, так что Эмилия Ильина – плоть от плоти тех, против кого, как она думает, она борется.

В лице Ильиной русский радикализм приходит, так сказать, к типу самоуничтожения. Хотя сталинский и брежневский режимы много сделали для перерастания абсолютной утопии в жизнеспособный, хотя и несколько неповоротливый реалистический проект, Ильина весьма остроумно показывает момент уязвимости советской системы – ее кровное родство с антигосударственным радикализмом: «В СССР большевики приучили людей к национальной солидарности, нас все время заставляют сочувствовать освободительному движению то в Мексике, то в Африке, то в Ирландии. И мы автоматически переносили это сочувствие на Украину, Кавказ, Прибалтику. Нас в 13 лет заставляют зубрить, как таблицу умножения, Конституцию, и мы всю жизнь помним, что каждая республика имеет право на самоопределение» (письмо В.Д. Поремскому без даты). Украине среди угнетенных народов была отведена особая роль – предстать «настоящей», «правильной» Россией, освободившись от имперской диктатуры «москалей/москвитов».

Идеи, которые отстаивала Ильина (о скором и необходимом распаде СССР как наследника Российской империи, о великой Руси-Украине и об укравшей у нее имя злой и отсталой Московии, и т.п.), конечно, не были ее изобретением. Она вычитала их у М. Грушевского, М. Брайчевского, Ю. Бадзё и др. Мышление радикалов склонно к теориям заговора. Ильина посчитала сочинения украинских националистов коварно утаенной и извращенной московскими государственниками ПРАВДОЙ, и, со всей своей непримиримостью, с пафосом интеллигентского правдоискательства, задалась целью открыть глаза соотечественникам на истинную картину прошлого. Больше года она переводила работы украинских националистов на русский язык, писала статьи и письма Дмитрию Лихачеву, Сергею Зальгину, Франсуа Миттерану, спорила с руководством НТС: «И бандеровцы не «ЗАТО» герои, а действительно национальные герои украинского народа. Они защищали свою родину от захватчиков. Гарибальди и Иван Сусанин – герои, а бандеровцы нет. Почему? <...> Бандеровец Шухевич был посажен в концлагерь 14 лет, и сидит до сих пор. Так кто он, разве не герой? <...> Русские узники мордовских и пермских лагерей, Владимирской тюрьмы дают прекрасный образец гражданской мысли, русской мысли. Их обращение к Верховному Совету СССР с требованием свободы Украине члены НТС не разделяют?» (письмо В.Д. Поремскому без даты). Однако эмигрантская общественность и даже большинство украинцев, которым Ильина отправляла свои статьи и переводы, весьма сдержанно отнеслись к ее откровениям. С искренним удивлением она вынуждена была констатировать: «На Западе доступны все исторические документы, и здесь никто не требует никакой идеологической линии – пиши правду. Но почему-то и на Западе люди: профессора, писатели, журналисты, священники – пишут ложь» (письмо к А.Э. Красноу-Левитину от 19 июля 1988 г.).

Это мышление в категориях «правда» и «ложь» очень плохо соотносится с декларируемыми Ильиной идеями свободы, равенства и ценности всех народов. В «Эмигрантских хрониках» или «Эмиличке» суждения в адрес монголоидной или негроидной расы звучат откровенно уничижительно, и особо торжествующее злорадство адресуется русским за присутствие в них монголоидной крови. Вообще, в том, с какой яростью Ильина говорит на темы русскости, чувствуется личная боль. Как мы знаем, то, что ее глубоко ранило, она навсегда перечеркивала для себя, и склонна была переходить от любви к ненависти, минуя полутона.

Сама Ильина всегда называла себя русской. Имена ее родственников – христианские. Она родилась в Ижевске, росла на Урале. Ее мать из крестьянской семьи, а отец из рабочей. Но если открыть ее литературные произведения (она предпочитала публиковать их под псевдонимом, образованным из имени ее деда – «Э. Абросим»), окажется, что еврейство и антисемитизм – постоянная их тема. В мемуарных очерках Ильи-

на также признается в том, насколько ее ранит и бесит бытовое «черносотенство», «великодержавничество». В «Эмигрантских хрониках» антисемитизмом оказывается пропитано и интеллигентное эмигрантское сообщество. В личном письме к Ильиной я напрямую задала вопрос: приходилось ли ей сталкиваться с антисемитизмом в СССР и в каких формах – Эмилия Павловна фактически ушла от ответа, прикрывшись цитатами из Гете и Оруэлла. Однако в рассказе «Цветок Циона» автор от первого лица героини Дины открывает то, что в их семье «хранилось как священная тайна, было заклиние, что разглашение поведет к гибели всей семьи», и тайна эта заключается в том, что еврейский прадед Дины отказался от иудаизма и, будучи воспитан старообрядцами, принял христианство, за что и был проклят весь его род. Родственники Ильиной, действительно, выходцы из старообрядцев; видимо, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что эта история с прадедом так же автобиографична, как и большинство сюжетов ее прозы.

Но особенный трагизм заключался в том, что Ильина действительно не была еврейкой – она застряла между идентичностями. Ее родной язык – русский, ее бытовые привычки – русские, религия, к которой она пришла в середине жизни – христианство. Ее внешность и тайная история ее семьи – вот и все, что связывает ее с евреями, но и этого оказывается достаточно, чтобы страдать от «черносотенцев»: «При существующем в СССР государственном антисемитизме человек еврейской национальности и даже еврейской внешности (пусть даже по национальности и не еврей) такой человек поставлен вне закона...» (Письмо Дунезлате Вассерштрум от 6 июня 1986 г.). Ощущая себя отчужденной от еврейской культуры, Ильина испытывала огромное чувство вины по этому поводу. Возможно, она также видела в этом отчуждении и культурном предательстве главную причину семейных проблем (нищета, болезни и несчастливость близких, распадающиеся браки).

В свете этих переживаний, «борьба за Украину» выступала для Ильиной суррогатом борьбы за свое еврейство. Провозглашая себя «украинской националисткой», Ильина обретала хоть какую-то, пусть даже иллюзорную, идентичность. Иллюзорную потому, что с перестройкой Ильина принялась просить о разрешении вернуться, и не в Украину, как можно было бы предположить, исходя из ее убеждений, а в Россию. При этом большую часть своей жизни она провела на Украине, возможно, ей удалось бы восстановить там трудовой стаж и получать пенсию, шансы на получение украинского гражданства для Ильиной, после ее украинофильских статей, также были весьма велики. Но нет, она стремилась вернуться в Россию, пусть даже при этом ей пришлось бы жить в приюте для детей, бесплатно ухаживая за ними. Она подавала просьбы о возвращении несколько раз, и при Горбачеве, и при Ельцине, и неизменно получала отказ.

Как-то, побывав в Израиле, Ильина почти увидела там воплощение своего идеала: «Израиль – это целая планета, это земля на земле <...> полный Интернационал. И нет в паспортах граждан Израиля никаких граф дискриминации, все равны и равноправны, как перед Богом, так и пред Законом» (очерк «Три недели в Израиле»), а самое главное, добавила она в БП, «все вокруг говорят по-русски».

Возможно, в последние годы Израиль заменил для Ильиной Украину в роли «правильной настоящей России», которую человеку передовых европейских взглядов было не стыдно любить.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив Исследовательского центра Восточной Европы при Университете г. Бремена, Германия. Ф. 43 (Эмилия Ильина)
- Документы Московской Хельсинской группы / Сост. Д.И. Зубарев, Г.В. Кузовкин. М., 2006. С.113-118 [Dokumenty Moskovskoi Helsingskoj grupy / Ed. By D.I. Zubarev, G.V. Kuzovkin. M., 2006. Pp. 113-118].
- Кустарёв А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М., 2006 [Kustarev A. Nervnye ljudi: Ocherki ob intelligentsia. M., 2006].
- Нарский И.В. Российские интеллектуалы в роли миссионеров: инструментализация концепта «культура» либеральной оппозицией в России XIX – начала XX в. // Вестник Пермского ун-та. Сер.: История. 2012. № 2 (19). С. 98-114 [Narskii I.V. Rossiiskie intellektualy v roli missionerov: instrumentalizacia koncepta "kul'tura" liberal'noi oppozicii v Rossii XIX – nachala XX v. // Vestnik Permskogo un-ta. Ser. Istoria. 2012. No 2. Pp. 98-114].
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002 [White H. Metaistoria: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg, 2002].
- Черепанова Р.С. «Русский путь» и его пророки: Идея «особого пути» и мессианские настроения в русской общественной мысли во второй четверти XIX века. Челябинск, 2007 [Cherepanova R.S. "Russkii put'" i ego proroki: Idea "osobogo puti" i messianskie nastroyeniia v russkoi obschestvennoi mysli vo vtoroi chetverti XIX veka. Chelyabinsk, 2007].
- Jonathan I. Enlightenment! Which Enlightenment? // Journal of the History of Ideas. 2006. July. Vol. 67, No 3.

Черепанова Розалия Семёновна, кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета, Челябинск; rozache@mail.ru

“Anti-Soviet Person” Emilia Ilyina in Long Tradition of Russian Radical Intelligentsia

The article is devoted to the personality of Emilia Pavlovna Ilyina - an emigrant, a writer and a publicist. New sources are being put into circulation, in particular, documents kept in the Archive of the Research Center for the Study of Eastern Europe at the University of Bremen, as well as materials sent by E.P. Ilyina to the author of the article. Theoretically, the article is based on the concept of the habitus of Pierre Bourdieu, on the theory of a "big contract" between intellectuals and the Soviet authorities, and on the idea of I. Jonathan about the confrontation unfolding in the New and Modern times, two traditions among intellectuals: one originates from the High Enlightenment, the second from its radical branch. The author of the presented article traces in the world outlook of Ilyina the characteristics of radical ethos and habitus.

Keywords: emigration, intellectuals, radicalism, utopia, nationalism

Rosalija Cherepanova, PhD (History), assistant professor of Russian History Department, South Ural State University, Chelyabinsk; rozache@mail.ru